

DOI: 10.15643/libartrus-2014.5.9

Структура негативной рецепции Ф. М. Достоевского в современной культуре

© С. С. Шаулов

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. З. Валиди, 32.

Тел.: +7 (347) 273 68 74.

Email: sschaulov@gmail.com

В статье дается описание одной из тенденций современного массового восприятия Достоевского – отрицания и полемики с классиком. Сделан также краткий экскурс в историю этой традиции восприятия. С точки зрения структуры практически любое отрицание Достоевского опирается либо на отторжение от «фантастичности» его поэтики, либо на отождествление писателя с одним из его героев. Парадигма такой рецепции определилась еще в первых прижизненных откликах по поводу Достоевского. В XX веке к этой антитезе добавилось стремление к упрощению Достоевского и сведению полемики с ним в чисто идеологическую плоскость. Ситуация усложнилась только в середине века на фоне первого кризиса советского утопического сознания. Статья вводит в научный оборот неизвестный ранее источник – юношеский дневник крупного отечественного литературоведа Р. Г. Назирова. Анализируемый отрывок – свидетельство начавшегося в середине века переосмысления Достоевского в советском культурном сознании. Наиболее поздний элемент традиции негативного восприятия Достоевского – его отторжение как надоевшего культурного штампа. Примечательно, что в последние десятилетия в этом отторжении совпадают тенденции и массовой, и элитарной культуры, тогда как научное восприятие Достоевского, наоборот, ощутимо расходится и с тем, и с другим. В статье анализируется ряд современных массовых и элитарных интерпретаций Достоевского:

- функционирование имени писателя и культурной памяти о его наследии в газетной публицистике и пространстве сетевой коммуникации;*
- концептуальный «псевдонекролог» Д. А. Пригова, помещающий Достоевского в контекст позднесоветской официальной риторики;*
- артефакт актуального искусства (инсталляция В. Щечкина «Непротивление злу насилием»), вскрывающий фундаментальные мировоззренческие расхождения современной культуры с Достоевским.*

Ключевые слова: Достоевский, традиция, полемика, Р. Г. Назиров, актуальное состояние культуры.

Разнообразных отрицаний Достоевского и критик по его адресу за полтора века накопилось много. Их история начинается не только с отзывов разочарованного В. Г. Белинского об авторе «Бедных людей», спустившемся (в восприятии «неистового Виссариона») к «Двойнику» и «Хозяйке», но и с раздраженной реплики А. С. Хомякова («О возможности русской художественной школы»), обвинившего Девушкина в отрыве от народа и отождествившего самого писателя с его героем. Отчасти два этих «развенчания» задали парадигму негативных восприятий Достоевского в XIX–XX веках, которую в упрощенном виде можно представить как пространство между отрицанием формы (за ее неправдоподобие) и отрицанием авторского мировоззрения (через отождествление автора и героя).

В первом случае, отторжение и критика вырастают из неприятия формально-эстетических особенностей текста Достоевского. Это, очевидно, происходит и в тех случаях, когда читателя не удовлетворяет сам стиль Достоевского (что бывает довольно часто, поскольку стиль этот нарочито затруднен – но это для нас побочная тема). Но и споря с идеологией писателя, его читатели попадают в ловушку специфической структуры текста, незаметно подменяя субъекта в своем диалоге и продолжая спор уже не с Достоевским.

Конечно, возможны вариации и контаминации двух традиций восприятия. Так, например, Н. К. Михайловский, навесив на Достоевского ярлык «жестокий талант», с одной стороны, уловил существенное свойство его поэтики («болевой эффект» [6]; причем, в эстетических представлениях самого Михайловского, это, безусловно, отрицательное свойство); с другой же стороны, приписал Достоевскому садистические комплексы некоторых его героев.

На фоне национального кризиса начала 1910–1920-х годов в спектре негативных прочтений Достоевского появляется ещё один оттенок. Достоевского уже не смешивают с его героями, более того, как правило, такие «отрицатели» читают его внимательно и даже глубоко, однако им противно (во всех смыслах этого слова) именно то, во что верил Достоевский. Так рождаются не только сверхрадикальные попытки запретить Достоевского или «судить его» (В. Б. Шкловский), но и горьковские филиппики по поводу «карамазовщины», в которых он парадоксально сводит стремление к разврату и смирение. Эту же природу имеет специфическая слепота В. Ф. Переверзева, который пытается вычленив из Достоевского «полезное» для новой идеологии и в упор не видит того, что писатель поставил в своих романах эффективные заслоны для таких попыток [14]. В целом, эти «революционные» интерпретации представляют собой попытки редуцировать или трансформировать Достоевского до того уровня, на котором возможна победа новой идеологии над ним.

Эта традиция утвердилась и в позднейшем научном и критическом отношении к Достоевскому, хотя и в несколько смягченном виде как представление о «больном» или «надломленном» гении (Л. П. Гроссман), но уже в середине XX века она явно начала размываться. Длительный, не закончившийся и сейчас процесс уточнения и корректировки этой рецепции в науке – предмет для отдельного разбора. Более интересно то, что ему сопутствовало и общекультурное переосмысление личности писателя и его наследия.

Возьмем показательную цитату из дневника школьника середины XX века: «16 февраля 1952. Прочел „Преступление и наказание“. Сила. Достоевским русские могут гордиться. Это очень большой, но и очень честный человек. Он писал с некоторым смещением вправо от критического реализма, но наряду с этим правым смещением было крайне левое обличение. Противоречивая натура Раскольникова и Соня – исключения с исторической точки зрения, но есть и замечательные типы: Катерина Ивановна Мармеладова, живое лицо; Разумихин неплох; Свидригайлов очень верен, это дурной отпрыск от древа лишних людей; Петр Петрович Лужин, мне захотелось даже избить его, словно живого, да он и жив ещё; жалкий, но искренний Лебезятников; Авдотья Романовна тоже тип, в маленковском понятии типичности. Что ж были такие женщины, были и есть, но как их мало!

Но такую книгу кончать евангелием – тоже в своем роде преступление. Мне помнится, жизнь наказала за это Достоевского.

Его нужно изучать и изучать; какой психолог! Как безошибочно правдивы изображения самых клокочущих страстей и бурных вспышек! А самоубийство Свидригайлова, просто и страшно. А как Раскольников дважды входил в участок, чтобы признаться. Всё это жизнь и правда.

Ещё прежде прочёл я „Бедные люди“. Его Макар Девушкин – трагическая разновидность гоголевского чиновника, из всех гоголевских повестей, единого типа. Кончающий письмо последний, отчаянный и ненужный вопль насчет фальбалы – это трагическая вариация шишки под самым носом алжирского бея. Это тоже хорошая книга.

На днях же я прочел „Дым“ Тургенева: конец хорош, но рассуждения насчет дыма – глупость. Жизнь человечества – дым? Человечество – дым? Пойдите же, через 100 лет коммунизм полностью воцарится на всей земле и человечество освободит головы и руки, чтобы овладеть вселенной. Весь вопрос в том, успеет ли беспредельный человеческий гений создать себе резервную площадку для жизни, космическую станцию, к тому времени, когда остынет солнце. Я верю – успеет. Как бесконечна вселенная, так бесконечна будет борьба людей за жизнь против слепой природы. История ещё не начиналась по-настоящему».

Это цитата из юношеского дневника Р. Г. Назирова, сравнительно недавно найденного в его архиве [1, 8, 13]. И это же – первое письменное суждение о Достоевском человеке, который впоследствии стал одним из признанных классиков науки об этом писателе.

Что с этой точки зрения мы видим в этой цитате? Во-первых, она повторяет в общем расхожие мысли не только массового, но и академического восприятия Достоевского в то время: «заблуждающийся гений», «больной талант» и т.д.

Во-вторых, молодой Назиров в своём отзыве исключает из числа исторических (то есть правдивых в его тогдашнем понимании) типов Раскольников и Сою. И это закономерно – потому, что они не укладываются в принципы социально-исторического детерминизма («смещение вправо от критического реализма»). В этом смысле они действительно «исключительные» типы.

В то же время нельзя назвать это восприятие «слепым», совершенно нерелексивным. К примеру, Назиров упоминает о «маленковском понятии типичности». Имеется в виду доклад Г. М. Маленкова на XIX Съезде ВКП (б), в котором тогдашний секретарь ЦК партии затронул в числе прочего и проблемы литературы: «Типичность соответствует сущности данного социально-исторического явления, а не просто является наиболее распространенным, часто повторяющимся, обыденным» [5, с. 115]. До некоторой степени это определение в 1952 году обогащало партийную критику и теорию литературы. Правда, Маленков «позаимствовал» его из Литературной энциклопедии 1925 года, из статьи репрессированного Д. Святополка-Мирского [11], о чем восемнадцатилетний Р. Г. Назиров мог, разумеется, и не знать (это известное наблюдение; нам оно встретилось в статье Б. Парамонова [9]). Будущий достоевсковед, таким образом, уже «настроен» на ответственное, теоретически обоснованное восприятие писателя, хотя вполне естественно для своего времени ищет опоры в известной ему методологии.

Показательна также критика финала романа, в котором советского школьника (который, правда, в это время уже читает в оригинале Бальзака и Верхарна) возмущает евангельская тема. Надо ещё обратить внимание на то, что при всей своей отделанности это непосредственная реакция: Ромэн Гафанович ещё не начитан в достоевсковедении, не очень хорошо знает биографию писателя, и, по-видимому, имея в виду каторгу, считает, что «жизнь наказала» Достоевского уже после «Преступления и наказания».

Но вот дальше идет тургеневский «Дым», который Назиров (между прочим, очень в духе Достоевского) понимает как проявление исторического пессимизма, преодолеваемого, однако, совершенно не по-достоевски – с помощью утопической картины вполне в духе своего поколения.

Это восприятие показательно в том смысле, что открывает нам пути дальнейшего развития рецепции Достоевского уже в советской культуре. Достоевский сначала упрощается (или просто не понимается или частично отрицается), и в таком виде ему может быть противопоставлена советская утопическая схема. Слабое место такого восприятия именно в этом: по мере разочарования в утопии ответственный и глубокий читатель (а Назиров и был таким) неизбежно придет к своеобразному «отрицанию отрицания» и вернется к Достоевскому уже на новом уровне. Назиров завершил этот круг уже к началу 1960-х годов и дальше пошел уже по принципиально иному пути, вехи которого известны уже гораздо лучше. Завершая анализ этой цитаты, стоит указать на поучительность этого примера: ни одно отрицание Достоевского не может быть абсолютным, диалогическая природа текста приводит к принципиальной незавершенности диалога с читателем. Если Федор Михайлович обладает удивительной способностью предугадывать оппонентов и разбивать их заранее, то он же никогда не закрывает дверь перед желающими взглянуть на него другими глазами.

Переходя ближе к современности, мы должны будем констатировать новые парадигмы отрицания Достоевского. Прежде всего, нужно сказать, что официальная «канонизация» Достоевского не уменьшила поток его отрицания. Более того, стала источником ещё одного варианта его не то чтобы отрицания, но выхолащивания смысла из его наследия.

Вот известный режиссер Эмир Кустурица в интервью газете «Известия» говорит: «Искусство имперской России меня восхищает. А когда еду по городу или гуляю, мне кажется, что за углом я встречу Достоевского, Пушкина, Гоголя, Маяковского – людей, который создавали мой мир с самого детства» [3]. Понятно, что он говорит о любимых писателях, вполне возможно, что в своем сознании он их глубоко осмысляет, но в речи слово «Достоевский» для него всего лишь маркер принадлежности к традиции. Собственным смыслом при таком употреблении это имя не обладает.

Вообще, анализируя употребление слова «Достоевский» в современном медиапространстве, можно увидеть любопытные вещи. Например, есть истовые почитатели Достоевского, которые его не читали. Они знают, что он классик, что он православный, что он русский, и любые попытки его «развенчать», «затроллить», они встречают в острые штыки, как попытки «развенчать» и «затроллить» саму Россию. Впрочем, вариации «профанного Достоевского» при всей их структурной однотипности очень широки и не очень интересны.

Вот более интересный случай. Постоянный колумнист газеты «Известия» Сергей Рогов (впрочем, сама газета аттестует его как «философа») в своих публицистических выступлениях поминает Достоевского довольно часто. Так, в статье «Ничто человеческое мне не чуждо», посвященной жуткому событию (пьяный водитель задавил семь человек на остановке; из них пятеро детей), по сути, повторяет эксперимент Ивана Карамазова над братом Алешей.

Сначала он пересказывает соответствующее место их диалога: «„Расстрелять!“ – воскликнул монашек Карамазов в ответ на вопрос своего брата Ивана: что сделать с генералом, который затравил собаками на глазах матери дворового мальчика. – Я сказал нелепость, – тут же оправдывается Алеша, но брат перебивает его: да на таких нелепостях мир стоит!» [11].

А через пару прочувствованных абзацев (он вообще живо пишет), следуют такой пассаж: «...если бы в тот самый момент, когда тела детишек переносили в специальный фургон, явился бы кто-то и прямо тут же расстрелял бы ублюдка на месте, не дожидаясь полиции и других представителей власти, то... Какое наказание в соответствии с УК РФ ожидало бы этого нор-

мального гражданина, переполненного общечеловеческими ценностями? Конечно, общечеловеческими, – разве расстрелять мерзавца не нормальное человеческое стремление и желание?! ...гражданское самосознание всегда ставит подножку человеческим чувствам. Во всяком случае, то ли пистолет не найдется, то ли пули не те будут, то ли не в чем к месту трагедии выйти, – не побежишь же стрелять мерзавца в костюмчике «Аидас» или в тапочках на босу ногу» [11].

Достоевский здесь становится маркером национального характера и маркером отрицательным – поскольку стилистически несовместим с реальной, бытовой жизнью. Положим, Роганов, скорее, на стороне Достоевского, чем на стороне «реальной жизни», но мнение о «внежизненности» Достоевского – один из самых широко распространенных штампов современного массового восприятия писателя.

Так, на портале lovehate.ru есть опрос на тему «Любите или не любите Вы Достоевского и за что». Вот одна из показательных цитат: «Экзупери и Хемингуэй тоже великие гуманисты были, однако как-то обходились без этих нереалистичных соплей» [4].

Итак, Достоевский в современном сознании превратился в расхожий культурный штамп. На второй план отходит эстетическое и идеологическое неприятие и не любят его «за соплежуйство, за религиозность, за прогнивший гуманизм, за долбаную слезу этого долбаного ребёнка» (посетитель того же портала под ником Astrum) [4], проще говоря, он надоел массовому сознанию. Слишком сильная и «тяжелая» инерция восприятия приводит к отторжению текста.

Именно поэтому Достоевский становится одним из объектов, наиболее часто травестируемых современной культурой. Примеры более или менее изысканных эстетических игр хорошо известны, но мы обратимся как раз к не самому известному, но от этого не менее показательному примеру.

У Д. А. Пригова в числе прочих его весьма многочисленных текстов есть так называемые «псевдонекрологи» [10]. Один из них посвящен Достоевскому. Поражает и веселит начало текста: «Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР с прискорбием извещают, что такого-то числа, такого-то года скончался великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский» [2]. Далее следует, что Ф. М. Достоевский известен нам как выдающийся деятель русской культуры, внесший в нее заметный вклад и т. д. А конец – стандартный для некролога: «Навеки останется в наших сердцах».

Абсурдность этого текста обнажает совершенно реальную ситуацию культуры: для современного сознания Достоевский столь же чужд, как и риторические формулы позднесоветского официального стиля. Может быть, Пригов несколько утрирует, но тенденция, на наш взгляд, уловлена верно.

Следует обратить внимание ещё и на то, что Пригов использует для травестирования именно жанр некролога (а не, допустим, поздравительного адреса к юбилею). Это – смеховое расставание с Достоевским. Финальная риторическая формула «навечно в наших сердцах» имеет обратный смысл.

Думается, однако, что стремление к такому пародийному уходу от Достоевского свойственно не одному только Пригову, но и значительной части современной русской культуры.

Вот ещё один показательный пример – инсталляция современного художника В. Шечкина «Непротивление злу насилия» [15]. Основу инсталляции составляют три репродукции портрета Достоевского работы Перова. Каждая из них немного «доработана». На первой Достоев-

скому пририсованы перепончатые крылья, на наш взгляд, ассоциативно связанные с Иеронимом Босхом. На второй – в руки вложен топор (вполне прозрачная отсылка к школьной программе по литературе и Родиону Раскольникову); на третьей на коленях писателя стоит клетка, в которой вместо птички помещена статуя Наполеона (аллюзия чуть более сложная, но всё так же вполне «школьная»). Ещё одна клетка (настоящая, не нарисованная) помещена над всеми тремя репродукциями, в ней стоит бюст Толстого. Важен также контекст, в котором существовал этот арт-объект: это скандальная выставка «Осторожно, религия!», прошедшая в 2003 году и вызвавшая скандальную же реакцию части общества.

Интерпретировать эту инсталляцию можно по-разному. Ясно, что в ней присутствует несколько аллюзий – к наполеоновской идее и ее критике у Достоевского, к образу Раскольникова (причем, топор находится в руках у самого писателя), возможно, к мистицизму Достоевского и приписываемым ему грехам, к «демонизму». На второй план отодвинут и закрыт в клетку Толстой, к которому отсылает название объекта. В контексте выставки Достоевский, конечно, прочитывается как знак критикуемой религиозности (ср. цитированный выше реплику на портале lovehate.ru).

Примечательно, что автор не создает нового изображения Достоевского, а использует опять же самый известный его портрет, давно ставший культурным штампом (хотя Шечкин, надо сказать, вполне профессиональный и даже талантливый художник – см. его сайт, на котором, кстати, эта работа только упоминается, но не представлена никаким изображением [16]).

Словом, мы имеем тут практически весь комплекс негативных прочтений Достоевского современным сознанием («тяжелый», «инфернальный», «агрессивный» и т.д.), обращенный, однако, не к самому Достоевскому, а к его самому известному портрету (не является ли известный эпизод романа В. Пелевина «Т», в котором Достоевский внезапно превращается в собственный портрет, скрытым цитированием инсталляции Шечкина?) Дальнейшая интерпретация зависит уже от личного отношения зрителя к Достоевскому и художнику В. Шечкину. Даже если подразумевать в подтексте инсталляции некий позитивный для классика смысл, неизбежно придется признать, что для формирования этого подтекста использован стремящийся к тотальности, активно проецируемый в пространство культуры штамп массового восприятия.

Примеры «антидостоевской» тенденции современной культуры можно множить чрезвычайно долго. Интересны в этой связи не конкретные (порой весьма изобретательные и даже талантливые, порой, наоборот, банальные) споры современных персонажей культурного процесса с Достоевским. Интересно, например, то, что наука о Достоевском, долгое время шедшая параллельно с массовым восприятием, с этим восприятием в последние десятилетия разошлась. Значит, ли это, что Достоевский действительно ушел из пространства актуального творчества? Нет, поскольку отторжение, насмешка и пародия, как показали еще русские формалисты, – один из наиболее сильных двигателей культуры. Р. Г. Назиров в ряде своих работ [7] показал, как пародийное отрицание, развиваясь, на определенном этапе приходит к синтезу (хотя бы частичному) с первоначальным объектом отрицания. В этом смысле нынешняя «антидостоевская» тенденция – явление обнадеживающее.

ЛИТЕРАТУРА

1. АРГН, оп. 4., д. 2 «Дневник 1952–1955», л. 301.
2. Борухов Б. Вертикальные нормы бытия. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj25/boruhov.shtml>

3. Кустурица Э. Гоголь – первый человек, который создал черный юмор в славянском мире // *Известия*. 24.09.2012.
4. Любовь и ненависть. URL: <http://www.lovehate.ru/Dostoevsky>
5. Маленков Г. *Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б)*. М.: Госполитиздат, 1952.
6. Назиров Р. Г. Болевой эффект // *Достоевский: эстетика и поэтика. Словарь-справочник*. Челябинск, 1997. С. 73–74.
7. Назиров Р. Г. Достоевский – Чехов: пародия и преемственность // *Филол. науки*. 1994. №2. С. 3–12.
8. Орехов Б. В. Текстология назировского архива // *Назировский архив*. 2013. №1. С. 144–159.
9. Парамонов Б. Русский европеец Дмитрий Святополк-Мирский. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/366610.html>
10. Погорелова И. Ю. *Концептуалистская стратегия как жанрообразующая система творчества Д. А. Пригова*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2011.
11. Роганов С. Ничто человеческое мне не чуждо // *Известия*. 26.09.2012.
12. Святополк-Мирский Д. П. Реализм // *Литературная энциклопедия* в 11 т. М., 1935. Т. 9. Стб. 548–576.
13. Шаулов С. С. Номенклатура Назировского архива. Дополнения // *Назировский архив*. 2014. №4. С. 4–5.
14. Шаулов С. С. Религиозность Достоевского как методологическая проблема советского литературоведения // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр*. Вып. 7. Петрозаводск, 2012. С. 216–223.
15. Шечкин В. Непротивление злу насилия. URL: http://old.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/religion_notabene/hall_exhibitions_religion2.htm
16. Шечкин В. URL: <http://www.shechkin.ru>

Поступила в редакцию 12.09.2014 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2014.5.9

The Structure of the Negative Reception of Fyodor Dostoevsky in Contemporary Culture

© S. S. Shaulov

Bashkir State University

32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Phone: +7 (347) 273 68 74.

Email: sschaulov@gmail.com

One of the trends of modern mass perception of Dostoevsky, denial and controversy with a classic, is described in the article. The work also contains a brief history of this tradition of perception. From the point of view of its structure, any renunciation of Dostoevsky or any polemics with him is founded on the rejection of the “fantasticity” of his poetics or the identification of the writer with one of his heroes. The paradigm of this receptive tradition was defined in the first lifetime responses about Dostoyevsky. In the twentieth century, the controversy with Dostoevsky turned into a purely ideological plane. New rethinking of the writer began only in the middle of the century. The article gives notoriety to the unknown until recently historical source – youth diary of Romain Nazirov, who later became the largest Russian literary scholar. The most recent element of negative perceptive tradition of Dostoevsky – is rejection of him as of boring cultural stamp. It is noteworthy that in recent decades the trend of mass and elite culture is largely identical in relation to Dostoevsky (at the same time, the scientific perception of Dostoevsky, on the contrary, significantly diverges from them). From this perspective, the article analyzes the series of mass and elite interpretations of Dostoevsky in Contemporary Culture.

Keywords: *Dostoevsky, tradition, polemics, Romain Nazirov, contemporary culture.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Shaulov S. S. The Structure of the Negative Reception of Fyodor Dostoevsky in Contemporary Culture // *Liberal Arts in Russia*. 2014. Vol. 3. No. 5. Pp. 404–412.

REFERENCES

1. ARGN, op. 4., d. 2 «Dnevnik 1952–1955», l. 301.
2. Borukhov B. Vertikal'nye normy bytiya. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj25/boruhov.shtml>
3. Kusturitsa E. *Izvestiya*. 24.09.2012.
4. Lyubov' i nenavist'. URL: <http://www.lovehate.ru/Dostoevsky>
5. Malenkov G. *Otchetnyi doklad XIX s"ezdu partii o rabote Tsentral'nogo Komiteta VKP(b) [Report to the XIXth Party Congress on the Work of the Central Committee of the CPSU(B)]*. Moscow: Gospolitizdat, 1952.
6. Nazirov R. G. *Bolevoi effekt Dostoevskii: estetika i poetika. Slovar'-spravochnik*. Chelyabinsk, 1997. Pp. 73–74.
7. Nazirov R. G. *Filol. nauki*. 1994. No. 2. Pp. 3–12.
8. Orekhov B. V. *Nazirovskii arkhiv*. 2013. No. 1. Pp. 144–159.
9. Paramonov B. *Russkii evropeets Dmitrii Svyatopolk-Mirskii*. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/366610.html>

10. Pogorelova I. Yu. Kontseptualist-skaya strategiya kak zhanroobrazuyushchaya sistema tvorchestva D. A. Prigova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Pyatigorsk, **2011**.
11. Roganov S. *Izvestiya*. 26.09.**2012**.
12. Svyatopolk-Mirskii D. P. *Realizm Literaturnaya entsiklopediya v 11 t. M., 1935*. Vol. 9. Stb. 548–576.
13. Shaulov S. S. *Nazirovskii arkhiv*. **2014**. No. 4. Pp. 4–5.
14. Shaulov S. S. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr*. No. 7. Petrozavodsk, **2012**. Pp. 216–223.
15. Shechkin V. Neprotivlenie zlu nasiliya. URL: http://old.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/religion_notabene/hall_exhibitions_religion2.htm
16. Shechkin V. URL: <http://www.shechkin.ru>

Received 12.09.2014.